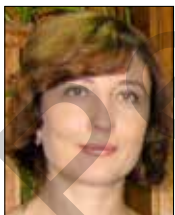

Летописная повесть о вещем Олеге и ее версификации

Резюме. В статье рассматриваются поэтические переложения К. Рылеевым, А. Пушкиным и В. Высоцким летописного сказания об Олеге Вещем. Версификации ориентированы на неточное изложение летописной истории Н. Карамзиным. В его «Истории...» волхвы предсказали Олегу гибель от коня, тогда как в оригинальном летописном тексте они наделили князя злой судьбой. Отказавшись от христианства и понадеявшись на свою хитрость, Олег решил переиграть волхвов и самостоятельно избежать осуществления проклятия, что привело его к гибели.

Ключевые слова: летопись, поэзия, средневековье, сюжет, песнь.

Ирина Будко,

завкафедрой белорусского и русского языков БНТУ, старший научный сотрудник Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, кандидат филологических наук, доцент

Сергей Гаранин,

заместитель директора по научной работе Института языка и литературы им. Я. Коласа и Я. Купалы НАН Беларуси, кандидат филологических наук

Встреча Олега с кудесником.
В. Васнецов,
1899 г.

«Песнь о Вещем Олеге», ставшая хрестоматийной уже более сотни лет назад, создана А. С. Пушкиным по мотивам первой славянской летописи «Повесть временных лет» в 1822 г. Приблизительно в то время у русской общественности возрос интерес к отечественной истории, что объясняется выходом в свет и широкой популярностью «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Именно рассказы, помещенные в первом томе «Истории...», без сомнения, послужили непосредственным источником стихотворения.

Разумеется, сравнивать древнерусскую летопись с созданными через 700 лет на ее основе произведениями было бы неправильно: «дистанция» – и мировоззренческая, и эстетическая – тут слишком велика. Для Н. М. Карамзина, К. Ф. Рылеева и А. С. Пушкина «Повесть временных лет» – сборник правдивых и вымышленных рассказов о прошлом России, а ни в коей мере не история Божественного домостроительства на Руси (чем на самом деле является «Повесть...»). Романтизировать события минувших времен, воспевать героев истории в духе высокой поэзии, наконец, создавать характеры, близкие современникам, – право и дело поэтов.

Не вызывает ни малейших сомнений, что Пушкин ориентируется в своем изложении истории Вещего Олега именно на Карамзина. С другой стороны, поскольку «Песнь о Вещем Олеге» известна миллионам читателей со школьной скамьи, то хрестоматии и антологии по древним литературам дают летописный текст в сокращенном виде, это значит, в той части летописи, которая непосредственно отражена у Пушкина. Далее можно подробнее рассмотреть, в чем заключалось пересоздание летописного фрагмента в XIX в., как развились изобразительно-выразительные средства литературы, как расширились ее возможности, углубилось понимание характера и т. д. Однако приверженец широко распространенного

мнения, что «литература развивается» (от хорошего к лучшему?), всегда забывает, что кое-что (и, поверьте, немало) было вместе с тем и утрачено в ходе семи столетий бытия словесности.

Что же из древнего текста было утрачено – или, говоря прямо, не понято Новым веком в лице великого Карамзина – и передано «солнцу русской поэзии» уже в искаженном и упрощенном виде? Зададимся в рамках нашего изложения двумя самыми простыми вопросами. Во-первых, зачем в «Повести временных лет» вообще появился рассказ, вызывающий сомнения в подлинности описанных событий? Ведь смерть героя от коня может быть отнесена к бродячим сюжетам мировой литературы (к примеру, сага о викинге Орваре

Поход Олега на Царьград. Миниатюра Радзивилловской летописи. XV в.

Одде повествует о колдунье, предсказавшей герою смерть от любимого коня. Орвар убил коня, но спустя много лет был ужален змеей на его могиле). Во-вторых, почему преподобный Нестор пустился в явное преувеличение, приписывая Олегу блестящую победу над Царьградом? Так, византийские источники

ничего не сообщают о походе 907 г., хотя подробно повествуют как о более ранних (860 г.), так и о более поздних (941 г.) столкновениях с восточноевропейскими княжескими дружинами. Возможно, конечно, что некая военная акция предпринята Олегом была, и результатом ее стал выгодный для Руси договор торгово-экономического характера. На самом деле никакого щита норманские конунги на ворота Константинополя уж точно никогда не прибывали, «неразумным хазарам» в те времена не отщали, и борьба ограничивалась в основном лишь перераспределением потоков дани, взимаемой со славянского населения.

Обратимся к летописи. Заключение нового договора между Русью и Византией в 911 г. ознаменовалось торжественным приемом, оказанным послам Олега императором Львом VI. Послам также показали «церковную красоту» Константинополя. Эпизод находит соответствие с демонстрацией церковной службы послам Владимира Крестителя в 988 г. Однако, в отличие от Владимира, Олег и его люди остались совершенно равнодушными к христианским ценностям. Тем самым Нестор-летописец подчеркнул вполне осознанный выбор Олега: христианство было отвергнуто князем. Тут же автор «Повести временных лет» напомнил своим читателям: еще четырьмя годами ранее Олег вопрошал языческих жрецов о своей судьбе, и волхвы предопределили его смерть от коня («Конь, егоже любиши и ездиси на нем, от того ти умрети» – *От коня,*

которого любиши и ездиси на нем, от него тебе умрети), а не просто предугадали его судьбу. После победы над греками, отказываясь в очередной раз от помощи христианского Бога, Олег сознательно оставил себя во власти волхвов и языческих сил, которые князь решил однако же перехитрить. «И живяше Олегъ миръ имея къ всем странамъ, княжа въ Кieve. И приспе осень, и помяну Олегъ конь свой, иже бе поставилъ кормити, не вседати на нь... на 5 лето помяну конь свой, отъ негоже бяху рекъли волъствию умрете Ольгови...» Сочетание *бяху рекъли волъствию умрете Ольгови* обычно понимается как *когда-то предсказали волхвы умереть Олегу*.

Рассмотрим подробнее грамматическую сторону фрагмента *бяху рекъли волъствию умрете Ольгови*. В древнерусском языке при помощи суффикса *-ете* могли образовываться две глагольные формы: форма 2-го лица множественного числа настоящего или будущего простого времени и форма 2-го лица множественного числа повелительного наклонения (от тематических глаголов первого и второго классов, с учетом этимологического первого **ѣ**, который в более поздних памятниках мог заменяться на *e*). Мы отдаем предпочтение интерпретации глагола *умрете* как формы повелительного наклонения, поскольку форма изъявительного наклонения во 2-м лице множественного числа требует присутствия местоимения *вы*. «Повесть временных лет» не дошла до нас в оригинале, поэтому мы изучаем данный памятник по более поздним спискам, и замена древнего **ѣ** на *e* выглядит достаточно естественно. Исследователи исторических глагольных форм в древнерусском языке отмечают следующее: «У глаголов первого класса **vedois* или **vedoite*, причем по акцентным причинам в единственном числе *oi >* (веди!), а во множественном числе сохранилась правильная форма с **ѣ** (ведѣте!) ... покажѣте, осяжѣте» [4, с. 584]; «формообразующей основой повелительного наклонения выступала основа настоящего времени, к которой присоединялись суффиксы *-и-* или *-ѣ-* и соответствующие личные окончания» [3, с. 351]; «у 1-й и 2-й асбах множнага ліку тэматычных дзеясловаў была тэма **ѣ** альбо *и*. Формы загаднага ладу ўтвараліся ад асноў цяперашняга часу. Дзеясловы I і II класаў у формах 1-й і 2-й асоб множнага ліку мелі тэму **ѣ**, а III і IV – *и*» [7, с. 204]; «... суффикс **-i-* участвовал в образовании форм множественного и двойственного числа, но в связи с различными результатами фонетического преобразования дифтонга **oi* в праславянский период в формах древнерусского языка суффиксами императива выступают **ѣ** у глаголов I–II и *-и-* у глаголов

III–IV тематических классов: 2 л. *несѣте, рѣсѣте, дви҃гиѣте*, знайте, просите» [8, с. 215]. Исследователи отмечают также достаточно раннее по времени смешение грамматических форм глаголов, относящихся к разным тематическим классам, и, как следствие, влияние, а скорее вытеснение суффиксом *-и-* суффикса *-ѣ-* [2, с. 275–276]. Таким образом, интересующая нас форма *умрете* представляет собой императив 2-го лица множественного числа и, вероятнее всего, в оригинале она писалась через *ѣ*.

Обратимся теперь к анализу существительного *Ольгови*. Флексия *-ови* (*-еви*) первоначально в древнеславянском языке принадлежала парадигме имен существительных на тематический гласный **ǐ* в формах дательного единственного (*сынови*). Из рассмотренной выше глагольной формы очевидно, что существительное *Ольгови* должно согласовываться с ним и в числе, поэтому рассмотрим возможность трактовки данной формы как *pluralia*. Как отмечают исследователи, «в столкновении с **ǐ*-основами имени **o*-основ широко используют флексию *-ове*, которая в XI в. встречалась только у имен **ǐ*-основ... Обычно она употреблялась для обозначения одушевленных имен, например, при названии народов (*татарове, лягове, челове...*), должностей (*попове, сторожеве*) ...» [4, с. 265]; «В им. п. мн. ч. формы на *-ове* в твердой, *-еве* в мягкой разновидности старого склонения с основой на *-o* наблюдаются в различных памятниках, начиная с древнейших... Формы, возникшие под влиянием имен со старой основой на *-ǐ*, распространяются большей частью лишь на имена мужского рода» [1, с. 486–487]; «У сваю чаргу назоўнікі на *ǐ* аказалі значны ўплыў на назоўны склон множнага ліку назоўнікаў на *ǔ*, перадаўшы ім свой характэрны канчатак *-ове*, які ў назоўнікаў з мяккай асновай выступаў у выглядзе *-еве*... Як сведчаць прыклады, у асноўным канчатак *-ове/-еве* быў характэрны для адушаўлёных назоўнікаў» [2, с. 63–64]; «У назоўным склоне множнага ліку былых асноў на *-o* наглядаецца таксама ўжыванне канчатака *-ове*, які раней быў вядомы толькі асновам на *-y* (кароткае). Гэтую форму маглі набываць толькі адушаўлёныя назоўнікі мужчынскага роду: *потомкове... татарове... панове... послове*» [6, с. 108]. Если допустить возможность смешения флексий Д. п. ед. ч. и И. п. мн. ч., а такие случаи нередки в памятниках славянской письменности, то форма *Ольгови* могла соответствовать И. п. мн. ч. от существительного *Олег*. Если принять положение о том, что *умрете* – это императив, следовательно, существительное должно быть в звательном падеже, который достаточно активно использовался в древнеславянском языке. Однако

опять-таки особая форма вокатива была характерна скорее для одушевленных существительных в единственном числе, а что касается существительных в форме множественного числа, то чаще всего использовалась форма И. п. мн. ч., кроме того, «начиная с XI в. в памятниках отмечается утрата звательного падежа и замена его формой падежа именительного» [5, с. 254].

Таким образом, предложение *бяху рекли волхвѣши умрете Ольгови* должно переводиться как *сказали волхвы: «Умрите, Олеги!»* (то есть Олег и его потомки, или Олеговичи), значит, тут также выражается не предсказание, а повеление. Древнеславянский язык в XII в. был уже архаичен (по отношению к древнерусскому), и то, что волхвы употребляли именно вышедшую из оборота грамматическую форму, имело, несомненно, стилистическую смысловую окраску и легко распознавалось читателями в XII в.: жрецы как представители культуры, уже ушедшей во время создания летописи в небытие, говорили на «старом» языке, а сам летописец – на «новом».

Следовательно, «вдохновенный кудесник» не предсказал Олегу судьбу, а *наделил* его этой судьбой, или, говоря иначе, обрек на гибель и его самого, и его потомство. За что? Мы уже кратко остановились на том, что походы Олега против хазар не были успешными. Вместе с тем Олег силой подчинил себе часть независимых ранее славянских племен, принудил северные земли платить дань в пользу варягов, затем объединил в одних руках управление Новгородом и Киевом, добившись тем самым высокой степени централизации власти. Государственная политика при Олеге свелась в конечном счете к насильственному сбору дани с населения, а не к его систематической защите. И возмущение славянских жрецов как представителей местной аристократии такими действиями варяга могло быть вполне обоснованным, а проклятие и предначертание злой судьбы – средством выражения неприязни и даже борьбы. Впрочем, это только предположение.

И хотя первые норманские конунги Рюрик, Олег и его преемник Игорь, возможно, и не были связаны прямой кровной преемственностью, двое последних умерли не своей смертью: Олег, по версии летописи, – от укуса змеи, Игорь был убит в ходе восстания древлян где-то на Полесье. Конечно, выстраивая почти через 200 лет после событий прямую генеалогическую линию от Рюрика к Владимиру, славянский летописец преследовал определенные политические цели

Олег вопрошает старшего конюха о своем коне («Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?» Тот ответил: «Умер»). Миниатюра Радзивилловской летописи

своего времени, но средневековый читатель имел дело не с реконструкциями современных историков, также, между прочим, небесспорными, а с летописью. Если Олег был соплеменником Рюрика, являлся лицом княжеского рода, называл себя князем, упоминался в документах в качестве такового и управлял Русью более 30 лет, то, во-первых, по тем или иным причинам он вообще не оставил прямого мужского потомства, а во-вторых, даже потомки его племянника (возможно, шурина или даже зятя) Игоря разделили во многом участь своих проклятых предков: сын Игоря Святослав был убит печенегами из засады, старшего внука Игоря, Олега II, убил родной брат Ярополк, самого Ярополка убил третий из братьев – Владимир. И только

Смерть Вещего Олега. Змея выползает из черепа коня и жалит князя в ногу. Миниатюра Радзивилловской летописи

крещение, принятое последним и изменившее нравы и славян, и варяжской династии, обеспечило Божье заступничество, спасло, по мнению летописца, будущих Рюриковичей от давнего проклятия.

И Олег мог бы избежать своей судьбы, обратившись к христианству, но он этого не сделал, понадеявшись на свой ум, хитрость и могущество. Конец известен. Невероятно могучий правитель, которому на Руси не было равных в истории (ведь русские ни до, ни после Олега не овладевали Константинополем), оказался жертвой колдовских чар. Именно духовное бессилие Олега подчеркивалось гиперболизацией его политической и военной мощи.

Летописец-христианин, приводя множество примеров из Библии, подробно объясняет, почему «... отъ волхования сбывается чародействомъ». Во-первых, «... вся ослаблениемъ Божиимъ и творениемъ бесовьскимъ бываетъ...», во-вторых, поскольку события происходили до принятия христианства, то «... мнози, прекостни имуще умъ, пред образомъ Христовымъ знаменають иною кознью на прелесть человекомъ не разумевающимъ добраго...».

Таким образом, события могли бы разворачиваться и иначе, но Олег сам стал причиной своей гибели. И далее по тексту летописи соответствующий рассказ приводится под 1071 г. Волхвы прельщали людей на Белоозере, но вмешательство даже не князя, а всего только воеводы Яна Вышатича показало полную беспомощность волхвов: ни одно из предсказаний не сбылось, а того, что воевода казнит их самих, да еще медведь съест их тела, некогда всесильные чародеи предвидеть не смогли: «И тако погыбнуста наущениемъ бесовьскимъ, инем ведуща, а своеа пагубы не ведуче». Христианство, освободив Русскую землю из-под власти колдунов, ведьм, волхвов и всяческих ду-

хов, сделало ее духовно свободной, а предсказания и проклятия волхвов – ничемными.

Когда мы говорим о секуляризации (светскости) литературы, то подразумеваем, несомненно, что светским становится и само творческое сознание, в том числе и сознание, творчески воспринимающее и интерпретирующее художественный текст. Соответственно, светское сознание Нового времени в лице Карамзина и Пушкина просто не «расчитало» смысловых кодов древнего текста. Кудесник оказался свободным провозвестником заветов грядущего, появился романтический темный лес, жребий на светлом челе и т.д. Как видно, утрата смысловых образований одного ряда привела к формированию таковых другого уровня с соответствующими образными формами и изобразительными средствами. Даже оценочный оттенок слова *вещий* изменился на противоположный. В дохристианскую эпоху, когда жил Олег, это слово, несомненно, имело положительную коннотацию (сведущий, или ставший дальновидным и изобретательным благодаря сопричастности потусторонним силам, то есть выдающийся). В древнерусском языке в XI–XII вв., когда создавались первые летописи, знак изменился, и при помощи этого эпитета выражалось уже негативное отношение к сильному и самонадеянному властителю. Князь-вещун был, по мнению летописца и его читателей, «нечист».

Примечательно, что позитивная коннотация слова *вещий*, закрепившаяся в современном языке, вероятно, под воздействием «Слова о полку Игореве», возникла параллельно и совершенно не зависимо от Пушкина в поэзии Рылеева. Около 1821 г. поэт-декабрист приступил к созданию грандиозного исторического цикла поэтических произведений, обозначенного им как «Думы». Цикл открывался стихотворением «Олег Вещий», выдержанным в духе высокой романтической поэзии минувшего XVIII века. В предисловии Рылеев недвусмысленно подчеркнул, что *вещий* означает мудрый, и этим прозвищем наделил Олега народ:

17

*Весь Киев в пышном пированье
Восторг свой изъявляя
И князю Вещего прозванье
Единогласно дал.*

Как и в думе Рылеева, в стихотворении Пушкина возвеличивалось минувшее Отечества, а также прославлялся носитель некой высшей народной мудрости – бесстрашный кудесник, поднималась неразрешимая тема загадочно-

го и грозного рока, поэтизировались обряды, обычаи и характеры героев. Но при этом изначальный смысл летописной повести утрачивал мировоззренческую глубину и основание.

Через полтора столетия после Карамзина, Рыльева и Пушкина к истории самонадеянного князя обратился Владимир Высоцкий. В его «Песни о Вещем Олеге», написанной в 1967 г., старый сюжет раскрывался в неожиданном для читателя ракурсе. Сложившиеся и уже окостеневшие в народном сознании представления о героическом и высоком содержании пушкинского стихотворения контрастно противопоставлялись гротескно-комическому раскрытию темы, приближенному к бытовым реалиям русской жизни.

*Но только собрался идти он на вы –
Отмцать неразумным хазарам,
Как вдруг прибежали седые волхвы,
К тому же разя перегаром, –
И говорят ни с того ни с сего,
Что примет он смерть от коня своего.*

*«Да кто вы такие, откуда взялись?! –
Дружина взялась за нагайки, –
Напися, старик, – так пойдя похмельем,
И неча рассказывать байки
И говорить ни с того ни с сего,
Что примет он смерть от коня своего!»*

Высоцкий не пользуется стилистическими средствами оригинала, которым в первую очередь является стихотворение Пушкина, а «перелицовывает» их, перенося действие как бы в иную сферу и подменяя древнерусских героев простонародными персонажами вроде казаков или красногвардейцев. При этом произведение Высоцкого не разрушает эстетической ценности «перелицовываемого» текста и потому не является пародией на него. Это – поэтическая травестия. Важно отметить, что Высоцкий, то обращаясь к фразеологизмам, не относящимся к Олегу, но связанным с Древней Русью (идти на вы), то к просторечиям или реалиям Нового времени (нагайки, похмелье и др.), не теряет из виду и летопись, что может быть подтверждено текстологически. Более того, в целом ряде деталей Высоцкий точнее воспроизводит летопись, нежели Пушкин. Неожиданное и противоречивое сочетание знакомого текста Пушкина, летописи, фразеологизмов, просторечия, игра смыслами и их перелицовка, наконец, реалистически сниженная манера изображения придают «Песни о Вещем Олеге» совсем иную – разгульно-шутливую тональность, бросающую вызов, если угодно, всей канонической культуре соцреализма.

*А вещей Олег свою линию гнул,
Да так, что никто и не пикнул, –
Он только однажды волхвов вспомянул,
И то – саркастически хмыкнул:
Ну надо ж болтать ни с того ни с сего,
Что примет он смерть от коня своего!*

*«А вот он, мой конь – на века опочил, –
Один только череп остался!»
Олег преспокойно стопу возложил –
И тут же на месте скончался:
Злая гадюка кусила его –
И принял он смерть от коня своего.*

Именно в этом смысле и следует понимать заключительную строфу, в которой бесшабашное, в чем-то даже хулиганское начало уступает место вполне серьезному и даже горько-ироничному в контексте советской действительности выводу:

*... Каждый волхвов покарать норовит, –
А нет бы – послушаться, правда?
Олег бы послушал – еще один щит
Прибыл бы к вратам Цареграда.*

В самом деле, сколько раз всех их, начиная с древнерусских князей, предупреждали...

У Нестора доказательством лживости волхвов выступает то, что они, пророчествуя о судьбе Руси, не подозревают о своей собственной кончине. Но произойдет это через полтора столетия после смерти Олега. Высоцкий фактически соединяет оба события в одной истории: внешне непрезентабельные волхвы не догадывались о своей судьбе, но, тем не менее, были правы.

*Волхвы-то сказали с того и с сего,
Что примет он смерть от коня своего!*

Чем они руководствовались, и какая правда была им открыта и кем – остается вечной загадкой, коллизией тонкого предчувствия мудрецов и грубого невежества власти, коллизией знания и силы, мистики и рационального разума.

Поэтические разработки древнего сюжета раскрыли в нем новые грани и возможности истолкования, обычно ускользающие из поля зрения современных читателей. ■

See: http://innosfera.org/2015/01/prophetic_oleg

Литература

1. Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. – М., 2007.
2. Булыка А. М., Жураўскі А. І., Крамко І. І. Гістарычная марфалогія беларускай мовы. – Мн., 1979.
3. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка: учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.». – М., 1990.
4. Колесов В. В. История русского языка: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. – СПб, М., 2005.
5. Можейко Н. С., Игнатенко А. П. Древнерусский язык: учеб. пособие для ист. фак. ун-тов и пед. ин-тов. – Мн., 1988.
6. Нарысы па гісторыі беларускай мовы. Дапаможнік для студэнтаў вышэйшых навуковых устаноў. – Мн., 1957.
7. Янкусіў Ф. М. Гістарычная граматыка беларускай мовы: вучэб. дап. – Мн., 1983.
8. Янович Е. И. Историческая грамматика русского языка. – Мн., 1986.